

Страницы прошлого

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

Становление советской дипломатической культуры (1917–1939 гг.)

Александр Александрович ВЕРШИНИН

кандидат исторических наук, доцент исторического факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4, г. Москва, Российская Федерация, 119192
E-mail: averchinine@gmail.com
ORCID: 0000-0001-5206-8013

ЦИТИРОВАНИЕ: Вершинин А.А. Становление советской дипломатической культуры (1917–1939 гг.) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 5. С. 206–225.
DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

Статья поступила в редакцию 18.11.2022.
Исправленный текст представлен 08.12.2022.

ФИНАНСИРОВАНИЕ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии в рамках научного проекта № 20-59-18007 «От региональных конфликтов к эпохе глобальных трансформаций: взгляд российских и болгарских историков на международные отношения в конце XIX – начале XXI в.».

АННОТАЦИЯ. В статье с опорой на теорию поля П. Бурдьё рассматривается сложная эволюция советской дипломатической культуры в межвоенный период. Идея демонтажа самогo дипломатического поля доминировала в умах большевиков сравнительно недолго и быстро сменилась заявкой на глубокое переформатирование дипломатического поля за счет внедрения в него новых практик и представлений о легитимности социального и символического капитала. Разочарование большевиков в перспективах мировой революции запустило процесс постепенного встраивания советской внешнеполитической службы в дипломатическое поле и адаптации к его структурам.

Усвоение соответствующего габитуса вело к формированию в среде дипломатического корпуса особого этоса, сближавшего его с западной поведенческой моделью. На переговорном уровне эта тенденция отражалась в формировании у дипломатов стремления к установлению долговременных отношений с капиталистическими государствами, даже ценой политических уступок. Соответствующие признаки наглядно проявились в ходе Генуэзской конференции, а в полной степени дали о себе знать после прихода к руководству НКВД М.М. Литвинова, при котором советский дипломатический корпус обрел наглядные черты особой социопрофессиональной группы. Наиболее

глубокая интеграция советского внешнеполитического ведомства в дипломатическое поле произошла в первой половине – середине 1930-х годов в ходе реализации им политики коллективной безопасности. Однако уже после 1936 г. стремление Сталина взять под полный контроль внешнюю политику на фоне общей неудачи курса Литвинова на международной арене запустило процесс перестройки НКВД, который завершился формированием основ новой дипломатической культуры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дипломатическая культура, дипломатическое поле, габитус, символический капитал, советская дипломатия, Чичерин, Литвинов.

Категория дипломатической культуры лишь недавно стала предметом изучения политологов и международных. В российской литературе она практически не исследуется. Как и в случае со стратегической культурой, подобное положение дел объясняется расплывчатостью понятия. Можно выделить два основных подхода к интерпретации дипломатической культуры, разделяемые исследователями. Первый основывается на тезисе о том, что в основе дипломатической культуры лежат общий дискурс и способ мышления, который позволяет договариваться даже тем, кто исповедует различные ценности. По мнению О. Зендинга, несовпадение ценностей в рамках дипломатических культур вообще является ключевым условием их способности вырабатывать решения спорных вопросов и модальности урегулирования конфликтов [Sending, 2011, p. 643]. Второй подход рассматривает дипломатическую культуру как «общий набор идей и ценностей, разделяемый официальными представителями

государств» [Bull, 2002, p. 304]. Речь идет о своего рода надстройке над политическими и культурными различиями, которая и делает возможным взаимодействие государств на дипломатическом уровне.

Оба эти взгляда примиряются в рамках концепции дипломатического поля, восходящей к сформулированному Пьером Бурдьё понятию поля как пространства, в рамках которого акторы борются за доступ к желаемым ресурсам. При этом их положение в рамках поля зависит от объема имеющегося в их распоряжении капитала, наиболее важной формой которого является капитал символический, обеспечивающий акторам признание их статуса как легитимного [Бурдьё, 2007, с. 15–20]. Ключевое влияние на их поведение в рамках поля оказывает так называемый габитус – набор внутренних предрасположенностей, влияющий на поведенческие практики, обуславливающих траекторию перемещения актора в рамках поля. Габитус можно рассматривать как активное воздействие прошлого опыта на актуальные действия индивида, влияющее на восприятие им реальности, ход мыслей и поступков и таким образом формирующее социальные практики [Бурдьё, 2007, с. 32].

Теория Бурдьё полезна для анализа дипломатической культуры, поскольку дипломатическое поприще представляет собой разновидность поля. Дипломаты являются его акторами и достигают желаемой позиции в нем, аккумулируя соответствующий уровень капитала, который в случае с дипломатией, как правило, является социальным и символическим. Социальный капитал выражает себя через усвоенные модели поведения и этикета, которые, в свою очередь, позволяют налаживать долговременные личные связи. Символический капитал определяется статусом должности, занимаемой дипломатом.

Дипломатический габитус представляет собой конструкцию, в значительной степени опирающуюся на традицию. Соответственно, дипломатическая культура выступает в качестве стратегии поведения актора в рамках дипломатического поля и определяет логику его функционирования.

Анализ дипломатической культуры открывает новое направление в изучении внешней политики государства на том или ином этапе его исторического развития. Дипломатический корпус всегда оказывает важное влияние как на выработку вектора внешней политики, так и на процесс его практической имплементации. Во многом его глазами верховная власть смотрит на международную обстановку, он обеспечивает ее коммуникацию с иностранными партнерами. В конечном счете в случае с дипломатическим корпусом эффект исполнителя оказывает значительное влияние на получаемый результат. Следовательно, понять, как она формулируется и реализуется, невозможно без изучения системы ценностей и поведенческих практик ее непосредственных операторов. При этом в силу того обстоятельства, что дипломатическое поле по природе своей интернационально, необходимо учитывать и международные тенденции развития дипломатии как вида государственной службы и профессии.

С целью получения более полного представления о природе российской внешней политики в XX – начале XXI в. интересно обратиться к тому периоду, когда она переживала свой наиболее глубокий слом. События 1917 г. привели к полному реформированию дипломатического поля в новой Советской России, становлению новых институтов, трансформации социального и культурного облика дипломатического корпуса, серьезному изменению модели взаимоотношений внешне-

политического ведомства и верховной власти. Наконец, сам факт функционирования советской дипломатии в рамках государственности, чей характер нес на себе яркий отпечаток господствующей идеологии, обуславливал важную специфику функционирования ее аппарата. В конечном итоге советская дипломатическая культура, формировавшаяся в межвоенные годы и окончательно сложившаяся во время Второй мировой войны, стала основой внешнеполитических коммуникативных практик сверхдержавы. Она же выступила субстратом для формирования дипломатического поля современной России после 1991 г.

В свете теории дипломатического поля, спроецированной на историю советской внешней политики 1920–1930-х годов, важными представляются следующие вопросы. В какой степени советские дипломаты, будучи в массе своей новичками на соответствующем поприще, усвоили дипломатический габитус? Имелись ли к моменту их выхода на авансцену альтернативные взгляды на внутреннее устройство и функционирование дипломатического поля? Насколько эффективно им удавалось достичь статуса в рамках дипломатического поля? Претерпел ли дипломатический габитус какие-либо изменения под влиянием участия в дипломатической игре представителей нового государства, декларировавшего приверженность специфической идеологии?

Теория поля, сформулированная Бурдьё, на протяжении последних десятилетий применяется исследователями для анализа проблемы принятия внешнеполитических решений и формулирования стратегии. Историк П. Джексон, комментируя в этой связи культурный поворот в области изучения дипломатической и военной истории, отмечает, что подходы французского социолога позволяют частично

устранить его главные недостатки – отсутствие четкого категориального аппарата и слабую степень формализуемости субъективных мотиваций действующих лиц [Jackson, 2008]. Исследователи Ф. Меран и В. Пулио справедливо указывают на главный недостаток концепции Бурдые применительно к изучению истории международных отношений – ее чрезмерную приверженность идее рационально действующих субъектов [Mérand, Pouliot, 2008]. С этой точки зрения определенный интерес представляло бы совмещение теории поля с принципом «плюрализма ценностей», сформулированным И. Берлиным, на эвристический потенциал которого применительно к анализу международных отношений недавно указал британский историк стратегии Дж. Стоун [Stone, 2021].

Концепция поля нашла применение в исследованиях истории и современного состояния международных интеграционных объединений, получив популярность у специалистов по европейской интеграции и безопасности [Adler-Nissen, 2014, Pouliot, 2010]. Проблематика истории международных отношений внешней политики отдельных стран лишь начинает рассматриваться через призму социологии Бурдые. Применительно к тематике статьи наибольший интерес представляет исследование периода становления советской дипломатии англо-американским историком А. Кохо-Уиллиамсом [Kocho-Williams, 2012]. Несмотря на тот факт, что историку удалось получить ряд важных результатов, он в недостаточной степени учел роль институционального фактора, серьезно искажавшего структуру дипломатического поля в Советском Союзе в межвоенные годы. Этот недостаток указанной работы высвечивает важную проблему, возникающую при попытках применить концепцию поля к анализу советской внешней

политики, – невозможность полностью проанализировать в ее рамках фактор особых отношений между дипломатами и политической властью в реалиях СССР. В данной статье предпринимается попытка изучить советскую дипломатическую культуру с учетом этого ключевого момента.

Сразу после захвата власти в октябре 1917 г. большевики предприняли попытку коренной перестройки всей дипломатической работы в России. Она основывалась на их специфическом представлении о природе международных отношений, которое, в свою очередь, вытекало из нескольких фундаментальных идеологических установок. Во-первых, дипломатическую службу они относили к числу ведомств, составлявших аппарат господства и подавления на службе буржуазного государства. Она подлежала такому же слоу, как полиция или армия. Во-вторых, мировая повестка, по их убеждению, стремительно развивалась в направлении скорой мировой революции, которая должна была полностью поменять не только политическую географию мира, но и саму модель взаимодействия стран и народов [Ленин, 1970, с. 36]. Широко известно апокрифическое высказывание Л.Д. Троцкого, первого наркома по иностранным делам РСФСР, о том, что его главная задача на посту – опубликовать секретные договоры царского правительства с союзниками по Антанте, после чего он издаст «несколько прокламаций к народам и закроет лавочку», так как «революция не нуждается в дипломатии» [Дойчер, 2006, с. 333].

Большевики видели в дипломатии «буржуазное» занятие. Характерно, что в работах В.И. Ленина сам термин

«дипломатия» практически не имеет положительной коннотации [Ленин, 1968, с. 31, Ленин, 1969, с. 238]. Одним из центральных пунктов «Декрета о мире» был отказ от секретной дипломатии. С точки зрения того, что до сих пор огромная часть регулярных межгосударственных контактов оставалась негласной, – отказ от дипломатии как таковой. Случайно или нет, но Министрство иностранных дел оказалось одним из тех ведомств Временного правительства, которое практически в полном составе отказалось служить новой власти [Десять лет..., 1927, с. 3–5]. Однако в идее противопоставления секретной дипломатии некоей новой практике международной коммуникации уже крылись зерна альтернативного видения внешнеполитической деятельности, которое, хотя и в корне переосмыслило прежние подходы, сохраняло саму организационную нишу для дипломатической работы, а следовательно – дипломатическое поле.

Уже в ноябре 1917 г., отвечая на страницах печати на обвинения правительств стран Антанты в разглашении секретных сведений посредством публикации международных договоров старых правительств, Троцкий заявил о том, что тайной дипломатии империалистических держав новая Россия противопоставляет «народную, действительно демократическую внешнюю политику» [Документы..., 1957, с. 21]. Для ее реализации требовалась соответствующая инфраструктура, что предполагало сохранение в некоем виде внешнеполитического ведомства. Если «первое издание» НКВД, учрежденного II Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов в октябре 1917 г., имело чрезвычайно простое устройство и управлялось фактически тремя людьми, то уже в декабре в результате того, как

мировая революция откладывалась, а перед новой властью возникали неотложные международные задачи, она очевидно усложнилась [Очерки..., 2002а, с. 38–39]. Штаты ведомства росли быстрыми темпами, достигнув к концу 1917 г. 125 человек, а в январе превысив 200 человек [Остапенко, 2019, с. 153–154]. Этот процесс ускорялся переговорами о заключении мира с Германией и ее союзниками в Брест-Литовске. Ввиду практического полного отказа российских послов признать новую власть, с декабря начался процесс создания советских миссий в зарубежных странах.

Главной задачей как аппарата НКВД в Петрограде, а с марта 1918 г. – в Москве, так и его иностранных представительств являлось ведение пропаганды и агитации. Первый официальный делегат советской власти за рубежом, находившийся в Лондоне М.М. Литвинов, открыто ездил по митингам и распространял революционные прокламации, делая это с санкции нового наркома Г.В. Чичерина, писавшего ему в феврале 1918 г.: «Интернационалистская агитация и, в частности, Ваша деятельность, для нас более ценны, чем признание [советской власти Великобританией]» [Очерки..., 2002б, с. 344]. Подобная установка предполагала резкий разрыв с традиционной дипломатической практикой, важным принципом которой являлось невмешательство послов, по крайней мере открытое, во внутренние дела стран пребывания. Именно поэтому действия Литвинова были в конечном итоге расценены официальным Лондоном как недопустимые, а сам он выслан за пределы Великобритании.

Имелся целый ряд других признаков, говоривших о стремлении большевиков изменить правила функционирования дипломатического поля. Под сомнение ими был поставлен святой принцип дипломатической

неприкосновенности. 31 декабря 1917 г. в ответ на действия румынских властей против русских революционных солдат, дислоцированных на территории королевства, в Петрограде по приказу В.И. Ленина были арестованы все сотрудники румынского посольства, от самого посла до рядовых служащих [В.И. Ленин и ВЧК..., 1975, с. 48]. В июне 1918 г. советское правительство объявило об упразднении дипломатических рангов и отказе от самого термина «посол» в пользу более демократично звучащего «полномочный представитель» [Собрание..., 1942, с. 536]. В рамках дипломатического поля официальные звания были важным показателем той меры символического капитала, которой обладал тот или иной актор. Стремление к ним являлось одним из ключевых законов его функционирования. Их отмена свидетельствовала о намерении изменить само представление о статусах и их легитимности. Альтернатива обозначалась открыто. Так, Литвинов, узнав о своем назначении, вывесил на дверях импровизированного представительства в Лондоне табличку с надписью «Русское народное посольство», а себя объявил «народным послом» [Майский, 1964, с. 256]: предполагалось, что вес дипломата отныне будет зависеть от того, насколько хорошо он справляется со своей ролью «народного» эмиссара.

Смещение задач пропаганды и поддержания регулярных связей с иностранными правительствами стирало грань между дипломатической миссией и организованной группой идеологического влияния за рубежом. Новые советские дипломаты и НКВД как ведомство сыграли важнейшую роль в организации в 1919–1920 гг. Коммунистического Интернационала, ставшего штабом по подготовке мировой революции. При образовании Коминтерна в 1919 г. Чичерин демонстрировал

явное желание стать координатором его деятельности [Ватлин, 2009, с. 42–44]. Вплоть до апреля 1919 г. НКВД распоряжался фондами для финансирования деятельности иностранных коммунистических партий [Watson, 2004, р. 135]. Последующая трудная история взаимоотношений НКВД и Коминтерна являлась наглядной иллюстрацией того, насколько было трудно советскому внешнеполитическому ведомству, уже ставшему на путь встраивания в дипломатическое поле на «системных» началах, избавиться от этого «тяжелого наследия».

Говорил сам за себя и социокультурный облик новых дипломатических кадров. С одной стороны, в своем подавляющем большинстве они являлись выходцами из среды революционеров. Случаи, когда на службу приходилось принимать штатных сотрудников старого МИД, были немногочисленны, причем лицу, инициировавшему подобное решение, приходилось его дополнительно разъяснять, обосновывая, почему профессиональные качества работника перевешивают его недостаточную политическую надежность [Senn, 1974, р. 83]. Вместе с тем НКВД поощрял прием на службу лиц, обладавших в той или иной степени необходимыми для дипломата умениями и качествами – прежде всего знанием языков, опытом проживания в Европе и навыками коммуникации с иностранцами соответствующего социального положения. При назначении С.И. Аралова полпредом в Турции Чичерин заявил ему, что «дипломату надо быть культурным» [Аралов, 1960, с. 14]. Полезными могли оказаться и представители бывших господствующих классов. К их числу принадлежал сам Чичерин [О'Коннор, 1991, с. 20]. Дворянка А.М. Коллонтай вспоминала о том, как ей на дипломатической службе пригодилась усвоенная еще в юности

«салонная наука поведения», хотя она, будучи убежденным большевиком, и полагала, «что и в эту область мы, советские люди, внесем свои новшества и упрощения» [Коллонтай, 2001, с. 36].

Таким образом, складывалось двойственное положение дел. Стремление советской власти переформатировать дипломатическое поле было очевидным. В этом вопросе она следовала мировым тенденциям. Демократизация внешнеполитической деятельности стала результатом «восстания масс», ускоренного Первой мировой войной, и происходила во всех ведущих странах мира [The Times Survey..., 1982, Vaïsse, 1985], и советские инициативы имели очевидной целью возглавить этот процесс. Локомотивом здесь выступало новое государство, политика которого мыслилась в глобальных категориях и опиралась на универсалистскую идеологию. Однако в то же время на работе НКВД и полпредств во всё большей степени сказывались традиции, стремление в той или иной форме перенять дипломатический габитус, без которого серьезно затруднялся поиск общего языка с иностранными визави.

Определенная склонность к проведению символической связи с дореволюционными практиками и попыткам наполнить их новым смыслом проявлялась уже в первые месяцы существования внешнеполитической службы Советской России в виде активной борьбы ее представителей за границы за право занять помещения бывших дипломатических миссий Российской империи [Шейнис, 1989, с. 30–35]. Здесь проглядывали явные элементы корпоративности, чуждые официальному дискурсу, но неизбежно возникавшие в ситуации, когда НКВД на фоне несовершенства советской властной конструкции сохранял определенную автономию. Подобное положение дел сохранялось

на протяжении достаточно длительного периода, что обусловило направление развития советской дипломатической культуры в 1920-е – первой половине 1930-х годов.

Уже на завершающей стадии Гражданской войны стало понятно, что цели, стоявшие перед советской дипломатией, меняются. Мировая революция, очевидно, отсрочивалась, следовательно, на первый план выходила задача налаживания стабильных связей с внешним миром. Признание советской власти становилось более насущной проблемой, чем ведение пропагандистской работы за рубежом. В свою очередь, этот вызов предполагал изменение в подходах. Попытки трансформировать дипломатическое поле следовало оставить и переключиться на деятельность по максимально плотной интеграции в его уже существующую структуру. Советские эмиссары должны были восприниматься как полноценные дипломаты, а не революционеры под прикрытием. Это же являлось необходимым условием развития торговых отношений СССР с Западом. Не случайно 1920-е годы, как точно подмечает А. Кохо-Уиллиамс, стали периодом активного рекрутирования на дипломатическую работу бывших меньшевиков [Kocho-Williams, 2012, p. 78]. С точки зрения новой внешнеполитической повестки советского государства они имели важное преимущество: считаясь минимально благонадежными с политической точки зрения (большинство меньшевиков в свое время выступали против участия России в Первой мировой войне), они имели репутацию умеренных социал-демократов, выступавших против большевистского радикализма, что делало их вполне приемлемыми партнерами для западных элит. Меньшевистское прошлое самого Чичерина ни для кого не являлось секретом [О'Коннор, 1991, с. 37–38].

Тем же преимуществом обладали и некоторые большевики. В первой половине 1920-х годов среди них выделялся Л.Б. Красин. Принадлежа к кругу технических специалистов, он с дореволюционных времен поддерживал связи с видными инженерами, промышленниками, учеными как в России, так и за рубежом, что вызывало подозрения со стороны ряда советских руководителей, но делало его удобной фигурой для ведения международных переговоров и заключения соглашений. Современники отмечали безупречный стиль Красина, умение вести беседу и находить подходы к людям. Один из мемуаристов вспоминал: «Ленин считался и с тем, что капиталисты платили Красину большие деньги и что с Красиным “не стыдно” было появиться в буржуазном обществе» [Эрлихман, 2022, с. 246].

Проблема внешнего вида и поведения официальных советских представителей в иностранных государствах виделась настолько важной, что в 1923–1924 гг. нашла свое отражение на страницах печати. Член коллегии НКВД Ф.А. Ротштейн сетовал на то обстоятельство, что на первых порах большевикам так и не удалось поменять характер дипломатического поля в части социальных практик и к середине 1920-х годов советские эмиссары за рубежом «очутились, не успев опомниться, в болоте дипломатического церемониала», но при этом призывал «свести все эти неприятные и оскорбляющие нас частности буржуазного дипломатического быта до скромных размеров, в зависимости от объективной обстановки и собственного такта полпреда». Заведующий протокольным отделом НКВД Д.Т. Флоринский называл «печальной» необходимость «облечься... в одиозные для нас фракки

и смокинги». Заместитель наркома по иностранным делам М.М. Литвинов говорил о том, что от соблюдения этикета зависит успех миссии дипломата, и отмечал: «Приспособиться к зарубежной среде заставляют наших дипломатов как чувство скромности, так и соображения дипломатической целесообразности»¹.

Массовое привлечение новых людей в НКВД и полпредства придало советскому дипломатическому корпусу особый социокультурный облик. Обращал на себя внимание его национальный состав. Среди сотрудников, пришедших в наркомат до 1925 г., 48% составляли русские, 33% – евреи, 4,5% – выходцы из Прибалтики (в основном латыши) [Дюллен, 2009, с. 56]. Отличие от царского МИД, где преобладали русские и остзейские немцы, бросалось в глаза. Тенденция к укреплению корпоративности продолжала углубляться. Складывался негласный набор критериев профессионального соответствия, предъявляемых к будущим дипломатам. Он пока не стал обязательным условием приема на службу, однако лег в основу образовательных программ подготовки специалистов-международников, реализовывавшихся на отделении внешних сношений факультета общественных наук МГУ, в Институте мирового хозяйства и мировой политики и Институте красной профессуры. Высшее образование превращалось в ключевое условие поступления на дипломатическую службу. К 1933 г. его имели 60% сотрудников НКВД [Дюллен, 2009, с. 56]. Внедрявшаяся с 1926 г. практика направления в наркомат «выдвиженцев» из низов, не обладавших необходимыми навыками, вызвала глухое сопротивление сотрудников ведомства.

1 Дискуссия об этикете в 1923–1924 гг. (по материалам печати). – URL: https://idd.mid.ru/informacionno-spravochnye-materialy/asset_publisher/WsjViuPpk1am/content/neizvestnyj-cicerin-cast-2 (дата обращения: 16.11.2022).

Наркомат всё более уверенно воспринимал международные дела как свой «дом» и ревниво относился к попыткам других ведомств зайти на эту «заповедную» территорию. Сохранялись серьезные трения с Коминтерном, чей курс на поощрение революционной деятельности коммунистических партий подрывал все попытки полпредств наладить контакты за рубежом. Присутствие в штатах советских миссий людей, в прошлом так или иначе связанных с Коминтерном, подрывало внутреннюю сплоченность дипломатического корпуса вокруг общих целей. Этому мало способствовало и аффилирование зарубежных коммунистов с официальными советскими учреждениями в странах пребывания. В своей последней служебной записке, составленной в 1930 г., Чичерин назвал Коминтерн «первым» из «наших внутренних врагов». Вторым в списке значилось ГПУ, которое наводняло заграничные миссии своими агентами, не только собиравшими информацию о странах пребывания, но и шпионившими за дипломатами [Последняя служебная..., 1995, с. 108–109]. Остро стояла проблема ведомственной конкуренции с наркоматом внешней торговли, зачастую ставившим коммерческие интересы за границей выше политических.

Аппаратная автономия НКВД укреплялась на фоне разброда во властных верхах, сопровождавшегося борьбой за положение наследника В.И. Ленина. С началом болезни вождя для Чичерина встал вопрос о том, кому именно посылать регулярные доклады по международной проблематике [Debo, 1994, р. 27]. Подобная ситуация объективно работала на закрепление особого статуса НКВД, который постепенно продвигал собственную повестку в ходе контактов с главными международными партнерами СССР. Это стало отчетливо заметно уже в последние годы

жизни Ленина. Так, в 1922 г. при подготовке участия советской делегации в работе Генуэзской конференции Чичерин предлагал не сводить его к политической манифестации, к чему склонялся Ленин, а серьезно обсудить проблемы восстановления экономических отношений с внешним миром. В ходе самой конференции из Москвы нарком неоднократно поступали сигналы с целью побудить его действовать жестко и не идти на чрезмерные уступки европейцам по вопросу о дореволюционных долгах, где Чичерин считал необходимым искать компромисс [Хормач, 2020, с. 87–88, 97].

Само решение Москвы направить в Геную представительную делегацию говорило о том, что советские дипломаты уверенно чувствовали себя в рамках дипломатического поля и полагали, что обладают достаточным объемом социального капитала. Безукоризненная выдержка ее членов, их внешний вид и стиль поведения, ничем не отличавшийся от поведенческих практик, принятых на Западе, произвели впечатление [Pope, 1943, р. 183]. Ответным шагом организаторов было решение допустить представителей СССР к участию во всех четырех комитетах конференции, в том числе в тех, которые прямо не касались русских дел. Интенсивные переговоры Чичерина с главой британской делегации Д. Ллойд Джорджем шли в формате той самой секретной дипломатии, которую в 1917 г. заклеил декрет о мире. Реакция части европейского общественного мнения была весьма характерной с точки зрения реконструкции габитуса советских дипломатов. Наблюдавший Чичерина на Генуэзской и Лозаннской конференциях Э. Хемингуэй не сомневался, что перед ним «старый русский дипломат», который «крепче всего стоит на ногах, когда борется за национальные интересы России» [О'Коннор, 1991, с. 101].

«Полоса признаний» советской власти ведущими странами Европы в 1924 г. являлась не столько принятием факта существования государства – «оплота социализма» (связанные с этим обстоятельства будут мешать советско-европейскому диалогу вплоть до начала Второй мировой войны), сколько легитимизацией СССР в рамках дипломатического поля. Показательно, что одновременно с этим шел процесс вытеснения за официальные рамки остатков дореволюционного дипломатического корпуса, члены которого настаивали на своем праве представлять Россию за рубежом. Созданный ими в ходе Гражданской войны Совет послов постепенно терял перспективу сохранения своего статуса [Конова, 2002]. В 1922 г. из его состава вышел бывший посол в США Б.А. Бахметев. К концу 1924 г. последним государством, поддерживавшим регулярные контакты с Советом, оставалась Франция, где, однако, все громче раздавались голоса за то, чтобы выстраивать отношения с новой Россией с учетом прежде всего французских национальных интересов, а не мнения эмигрантов. В октябре 1924 г. бывший посол Временного правительства в Париже В.А. Маклаков был проинформирован о намерении французского правительства признать СССР и передать ему здание посольства на улице Гренель.

После окончания Гражданской войны советская дипломатия продемонстрировала свою готовность играть по принятым правилам, не отказываясь от собственных целей. Цель при этом оставалась далекоидущей – сохранить в неприкосновенности советский общественно-экономический строй, стратегическая установка которого по-прежнему предполагала демонтаж буржуазной государственности в странах Запада, получив от того же Запада ресурсы, необходимые для его выживания.

Подобный подход оставался внесистемным и ставил СССР вне рамок существовавшего на тот момент международного порядка. Вел ли процесс интеграции в дипломатическое поле и, как следствие, к усвоению соответствующего габитуса к постепенному отходу советских представителей за рубежом от целеполагания, обозначенного политическим руководством страны? Этот вопрос с течением времени волновал Москву всё сильнее.

Приход на пост наркома по иностранным делам М.М. Литвинова ускорил процессы становления советского дипломатического корпуса как особой социoproфессиональной группой с собственной поведенческой культурой, в то же время являющейся частью интернационального дипломатического поля [Иванов, 2022]. Новый глава ведомства во многом мыслил категориями корпоративной сплоченности, уделяя ей большее внимание, чем его предшественник. Если Чичерин так и не создал собственной фракции в НКВД, то Литвинов рано обнаружил склонность к формированию вокруг себя сети клиентов. К числу «литвиновских» дипломатов [Эренбург, 2000, с. 738], обязанных наркому карьерным продвижением и просто связанных с ним дружескими отношениями и общим прошлым, относились И.М. Майский, А.М. Коллонтай, Б.С. Стомоняков, Я.З. Суриц, Б.Е. Штейн, Л.М. Хинчук.

Новый нарком серьезно реорганизовывал работу ведомства, привнеся в нее начала системности. «Это был прежде всего умевший искусно распределять дела между своими сотрудниками и работавший сам “напряженно, быстро и эффективно”», – пишет о нем историк С. Дюллен [Дюллен, 2009, с. 64]. При Литвинове коллегия НКВД превратилась в регулярно собиравшийся орган с четкой повесткой дня. Сложилась понятная схема распределения

обязанностей, установились четкий график и внутренняя дисциплина [Майский, 1964, с. 138]. Усилилась централизация аппарата НКВД на всех уровнях, обострилась его конкуренция с другими ведомствами, занимавшимися внешней политикой, причем Литвинову удавалось отстаивать первенство своего наркомата, в частности в отношениях с НКВД. Рыхлый коллектив «красных» дипломатов, сохранявший внутри себя неформальный дух и определенную демократичность, унаследованную с эмигрантских времен, уступал место иерархичной культуре, усваивавшей критерии идентичности и четкий кодекс поведения.

Набор неформальных требований, предъявляемых к потенциальным сотрудникам НКВД, ужесточился. Обязательным условием принятия на работу стало знание по крайней мере двух иностранных языков. Резерв старых кадров революционной интеллигенции с опытом жизни в эмиграции был практически исчерпан в то время, когда советской дипломатии, активно реализовывавшей политику коллективной безопасности в Европе, насущно требовались люди. В 1934 г. внутри НКВД был создан Институт по подготовке дипломатических и консульских работников (с 1974 г. – Дипломатическая академия МИД СССР), занявшийся массовым обучением дипломатов. Преподавателями выступали члены коллегии НКВД и полпреды. Формировался механизм воспроизводства и передачи дипломатического габитуса. В состав дипломатического корпуса влилось новое поколение родившихся на рубеже веков, не имевших опыта дореволюционной политической деятельности. К середине 1930-х годов они занимали половину всех должностей в наркомате [Дюллен, 2009, с. 55]. Постепенно складывалась ситуация, при которой попасть на дипломатическую службу

без специальной подготовки становилось затруднительно. Литвинов активно противодействовал экспансии «выдвиженцев» в ряды дипломатического корпуса [Дюллен, 2009, с. 58–60].

Специфика дипломатической работы в СССР заключалась в том, что социальный капитал и габитус, усваиваемые акторами дипломатического поля, вступали в противоречие с символическими представлениями, считавшимися легитимными в рамках политической культуры государства победившего пролетариата. Если в 1920-е годы это противоречие пытались сглаживать, по крайней мере, внешне (в том числе сами дипломаты: стоит вспомнить такие показательные акции, как облачение самого Чичерина и его сотрудников в красноармейские гимнастерки), то впоследствии оно укоренилось. НКВД постоянно ставил вопрос перед правительством о создании для дипломатов лучших условий жизни вплоть до строительства отдельного квартала в районе здания наркомата на улице Воровского в центре Москвы [Дюллен, 2009, с. 71]. Дипломатический корпус в столице имел доступ к специальному снабжению литературы «А», обеспечивавшему лучший в стране паёк [Осокина, 1999, с. 101].

Проблема социального расслоения, обозначившаяся в советском обществе, касалась не только дипломатов, однако они являлись «группой риска», так как в силу профессии вели очевидно «буржуазный» образ жизни. Отсюда постоянные попытки провести связь между советским дипломатическим корпусом и актуальной повесткой строительства социалистического общества. Так, 17 июля 1936 г. в статье для «Правды» Коллонтай назвала Литвинова «дипломатом-стахановцем». В 1933 г. с подачи московской партийной организации НКВД обзавелся подшефным колхозным хозяйством на территории

Подмосковья, которое получило почетное наименование колхоза им. Литвинова [Шейнис, 1989, с. 329]. В реалиях 1930-х годов подобные опыты выглядели малоубедительно, прежде всего с точки зрения самих дипломатов, которые во всё большей степени ощущали свой элитарный статус, поднимавший их над рабоче-крестьянским курсом.

На посту наркома Литвинов смог серьезно влиять на советскую внешнюю политику. Стремление дипломатов к налаживанию долговременных связей с «буржуазными» государствами даже ценой компромиссов по важным политическим вопросам, которое они демонстрировали еще со времен Генуэзской конференции, получило признание со стороны верховной власти. Речь шла о тактическом маневре: И.В. Сталину, победившему в борьбе за положение наследника Ленина, требовались «рабочие» взаимоотношения с Западом на время осуществления «революции сверху» и подготовки Советского Союза к возможной в будущем мировой войне. Однако имелась еще одна причина. Хозяин Кремля мог уделять решению практических внешнеполитических задач лишь ограниченное время и внимание ввиду особой важности внутренних проблем и собственной неопытности в международных делах. По мнению историков, последнее обстоятельство сказывалось вплоть до 1939 г. [Haslam, 1994, p. 57], что давало Литвинову возможность – сначала широкую, но постепенно сужавшуюся – предлагать и проводить в жизнь собственную повестку. «Наркоминдел хотел договариваться с Западом, а не разрушать его» [Carley, 2006, p. 298] – эта установка на годы стала магистральной для советской внешней политики, что способствовало росту самосознания дипломатического корпуса.

Идеи коллективной безопасности – неделимость и самоценность мира, недопустимость войны ни в какой форме, необходимость участия в международных институтах – совпадали со взглядами на природу международных отношений самого Литвинова и его единомышленников. Фигура А. Гитлера, первоначально рассматривавшаяся как скорее неоднозначная и на Западе, и в Советском Союзе, у круга «литвиновских» дипломатов вызвала резко негативную реакцию сразу после его прихода к власти. По мнению С. Дюллен, свою роль здесь сыграло то обстоятельство, что верхушка НКВД, в большей части состоявшая из евреев, первой уловила и верно восприняла тот разрушительный расистский импульс, который содержался в трудах нацистского вождя [Дюллен, 2009, с. 91]. Однако сближение с западными демократиями имело, с точки зрения советских дипломатов, не только политическое, но и практическое измерение.

Присоединение СССР к системе коллективной безопасности в 1933–1934 гг. открыло перед ними качественно более обширное поле деятельности. Рос штат полпредств в ключевых западных столицах, равно как и их финансирование. Заключение политических и торговых соглашений расширяло сеть контактов за счет предпринимательских и военных кругов, что создавало новые многообещающие направления работы, о которых в предыдущее десятилетие не приходилось и говорить [Вершинин, 2020]. Наконец, вхождение СССР в Лигу Наций в 1934 г. дало советским дипломатам доступ в символический центр мировой политики. Литвинов регулярно выступал в штаб-квартире Лиги в Женеве, став одним из ее главных спикеров и снискав всемирную известность. Он, по характерному замечанию наблюдавшего его У. Черчилля, «быстро приспособился

к атмосфере Лиги Наций и пользовался ее моральным языком с таким большим успехом, что скоро стал выдающимся деятелем» [Churchill, 1986, p. 95].

Советская дипломатическая культура всё больше приближалась к европейской, переняв к середине 1930-х годов ее основные параметры. Полпреды в европейских государствах поддерживали активные контакты с местными элитами вплоть до установления с их представителями личных отношений, как в случае с полпредом в Лондоне И.М. Майским и У. Черчиллем [Churchill, 1986, p. 263]. Эксцессы вроде того, который произошел в 1927 г. с полпредом в Париже Х.Г. Раковским, который, не обращая внимания на свой особый статус, подписал выдержанное в антиимпериалистическом духе воззвание троцкистско-зиновьевской оппозиции, за что был фактически объявлен во Франции персоной нон-грата, стали практически невозможны [Carley, 2006, p. 309]. Вместе с тем советские дипломаты часто придавали своим действиям очевидный демократизм, намекавший на особое самовосприятие. Символично была обставлена формальная процедура приема СССР в Лигу Наций. Чтобы не представлять в роли просителя и не подчеркивать тем самым высокий статус основанной империалистическими державами международной организации, советская делегация во главе с Литвиновым отказалась ожидать формального приглашения в зал заседаний Лиги и заняла в нем свои места еще до официального объявления результатов голосования [Шейнис, 1989, с. 318].

Сам Литвинов и его политический стиль не вызывали симпатий у высшего руководства СССР [Чуев, 1991, с. 95–99]. Аппаратные позиции главы НКВД не были сильны: с 1934 г. он входил в состав ЦК ВКП(б), но никогда не состоял в Политбюро. В своей переписке

вожди указывали на чрезмерную самостоятельность Литвинова. Внешнеполитические взгляды Сталина и его ближайшего сотрудника В.М. Молотова очевидно отличались от тех, которые исповедовали нарком и «его» дипломаты. Коллективная безопасность рассматривалась ими сугубо инструментально, а не в качестве стратегического курса. В 1936 г. наметились первые признаки разочарования Сталина в политике Литвинова, которая переставала решать главную задачу – минимизировать военную угрозу в Европе. На фоне растущего отчуждения от Запада НКВД, укомплектованный людьми, усвоившими «буржуазный» стиль, нормы поведения и взгляд на вещи, всё чаще рассматривался как политически ненадежный. Эти опасения присутствовали и ранее: партийные ячейки в полпредствах и негласные агенты спецслужб пристально наблюдали за деятельностью дипломатов, которых заведомо подозревали в нелояльности. В 1937 г. дипломатию решили поставить под полный контроль партийно-политического руководства страны.

Удар наносился не просто по Литвинову, а по всему дипломатическому корпусу. С одной стороны, влияние наркома неуклонно снижалось. Сталин всё чаще работал с дипломатами непосредственно, подключая к процессу Молотова. Сфера, в рамках которой нарком мог самостоятельно принимать решения, неуклонно сужалась. С другой стороны, Литвинов терял главный инструмент, помогавший ему выстраивать работу НКВД – контроль над кадрами. В руководстве ведомства стали появляться нелояльные ему люди (в частности, В.П. Потёмкин, бывший полпред во Франции, ставший в 1937 г. его заместителем). Начальником отдела кадров НКВД стал кадровый чекист. Венчали процесс две волны масштабных репрессий, жертвами которых оказались более

трети сотрудников наркомата, причем среди высшего звена эта доля достигала 62% [Дюллен, 2009, с. 200]. К 1939 г. чистки парализовали работу подразделений внешнеполитического ведомства и ключевых полпредств. Ряд советских представителей за рубежом стали политическими беженцами. Все попытки Литвинова защитить свои кадры оказались бесплодными. Сам он, попадая во всё более плотную изоляцию, также ждал ареста, однако занимал пост наркома до мая 1939 г., после чего был заменен Молотовым, что фактически означало переход рычагов управления внешней политикой непосредственно к Сталину.

В межвоенный период советская дипломатическая культура проделала сложную эволюцию. Идея демонтажа самого дипломатического поля, существенно связанная с марксистско-ленинской апокалиптикой, доминировала в умах большевиков сравнительно недолго: уже работа по поиску, подготовке к публикации и изданию секретных соглашений дореволюционных правительств потребовала создания дипломатического аппарата, который рос по мере того, как новая власть сначала выбрала своей главной внешнеполитической задачей пропаганду и агитацию, а затем была вынуждена приступить к мирным переговорам с Центральными державами. Вместе с тем советская власть делала заявку на глубокое переформатирование дипломатического поля за счет внедрения в него новых практик и представлений о легитимности социального и символического капитала. Ввиду интернационального характера дипломатического поля эти попытки завершились ничем, хотя они и следовали в русле общего изменения

представлений о международных отношениях под влиянием Первой мировой войны.

Разочарование большевиков в перспективах мировой революции запустило процесс постепенного встраивания советской внешнеполитической службы в дипломатическое поле и адаптации к его структурам. Усвоение соответствующего габитуса вело к символическим ассоциациям с дореволюционной русской внешней политикой, а в среде дипломатического корпуса постепенно формировался собственный этос, сближавший его представителя с западной поведенческой моделью. На переговорном уровне эта тенденция отражалась в формировании у дипломатов стремления к установлению долговременных отношений с капиталистическими государствами, даже ценой политических уступок. Соответствующие признаки наглядно проявились в ходе Генуэзской конференции, а в полной степени дали о себе знать после прихода к руководству НКВД М.М. Литвинова, при котором советский дипломатический корпус обрел наглядные черты особой социoproфессиональной группы.

Наиболее глубокая интеграция советского внешнеполитического ведомства в дипломатическое поле произошла в первой половине – середине 1930-х годов в ходе реализации им политики коллективной безопасности. Однако уже после 1936 г. стремление Сталина взять под полный контроль внешнюю политику на фоне общей неудачи курса Литвинова на международной арене запустило процесс перестройки НКВД, главным следствием которого стала утрата им аппаратной автономии и радикальное изменение его кадрового состава вследствие массовых чисток. Конец «эры Литвинова» означал полное переформатирование советской дипломатической культуры.

По данным, приводимым С. Дюллен, из 157 человек, занимавших руководящие посты в НКВД в 1940–1946 гг., 85% начали свою карьеру после 1936 г. [Дюллен, 2009, с. 200].

На дипломатическую работу массово пришли молодые люди, часто выходцы из низов, как правило, не имевшие специального образования. Многие из них слабо владели иностранными языками. Критериями отбора были благонадежность и дисциплинированность, при этом главным навыком, который предстояло освоить новым сотрудникам, являлось умение сохранять секретность [Никонов, 2016, с. 9]. Соблюдение строгой конфиденциальности стало базовым принципом функционирования высшего партийно-политического аппарата еще в 1930-е годы. Теперь этот принцип клался в основу дипломатической работы. Советская дипломатия теряла связь с международным дипломатическим полем и вступала в короткий, но важный этап самостоятельного развития, который окончательно завершился после победы во Второй мировой войне и привел к установлению тесной субординационной связи между дипломатической службой и политической властью.

Список литературы

Аралов С.И. Воспоминания советского дипломата (1922–1923). – Москва : Издательство Института международных отношений, 1960. – 222 с.

Бурдые П. Социология социального пространства. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2007. – 288 с.

В.И. Ленин и ВЧК. Сборник документов (1917–1922 гг.). – Москва : Политиздат, 1975. – 679 с.

Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 374 с.

Вершинин А.А. У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932–1933 гг.) // Российская история. – 2020. – № 3. – С. 52–66.

Десять лет советской дипломатии (акты и документы). – Москва : Литиздат Наркоминдела, 1927. – 126 с.

Документы внешней политики. Т. 1. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 772 с.

Дюллен С. Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. – Москва : РОССПЭН, 2009. – 319 с.

Иванов Ю.В. Первые советские дипломаты. НКВД РСФСР/СССР. 1917–1941. – Москва : Перо, 2022. – 464 с.

Коллонтай А.М. Дипломатические дневники. Т. 1. – Москва : Academia, 2001. – 527 с.

Кононова М.М. Деятельность дипломатов царского и Временного правительств в 1917–1938 годах // Вопросы истории. – 2002. – № 3. – С. 105–118.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 21. – Москва : Политиздат, 1968. – 671 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 37. – Москва : Политиздат, 1969. – 748 с.

Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 44. – Москва : Политиздат, 1970. – 725 с.

Майский И.М. Воспоминания советского посла. Кн. 1. – Москва : Наука, 1964. – 462 с.

Никонов В.А. Молотов: Наше дело правое. Кн. 2. – Москва : Молодая гвардия, 2016. – 524 с.

О’Коннор Т. Георгий Чичерин и советская внешняя политика, 1918–1930. – Москва : Прогресс, 1991. – 320 с.

Осокина Е.А. За фасадом «сталинского изобилия». Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. – Москва : РОССПЭН, 1999. – 271 с.

Остапенко А.И. Организационное строительство НКВД РСФСР в петроградский период и переезд советского правительства в Москву в марте 1918 г. // Переезд советского правительства в Москву. К 100-летию возвращения столицы в Первопрестольную / отв. ред. И.И. Тучков, Л.С. Белоусов. – Санкт-Петербург : Алетей, 2019. – С. 137–162.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 2 / под ред. И.С. Иванова. – Москва : Олма-пресс, 2002а. – 617 с.

Очерки истории Министерства иностранных дел России. Т. 3 / под ред. И.С. Иванова. – Москва : Олма-пресс, 2002б. – 419 с.

Последняя служебная записка Г.В. Чичерина // Источник. – 1995. – № 6. – С. 99–112.

Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. – Москва : Управление делами Совнаркома СССР, 1942. – 1483 с.

Хормач И.А. Советское государство на международной конференции в Генуе по экономическим и финансовым вопросам. 10 апреля – 19 мая 1922 г. // Новая и новейшая история. – 2020. – № 3. – С. 80–106.

Чуев Ф.И. Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. – Москва : Терра, 1991. – 623 с.

Шейнис З.С. Максим Максимович Литвинов: революционер, дипломат, человек. – Москва : Издательство политической литературы, 1989. – 430 с.

Эренбург И.Г. Собрание сочинений. Т. 7. – Москва : Художественная литература, 2000. – 861 с.

Эрлихман В.В. Леонид Красин. Красный лорд. – Москва : Вече, 2022. – 416 с.

Adler-Nissen, R. Symbolic Power in European Diplomacy: The Struggle Between National Foreign Services and the EU's External Action Service // Review of

International Studies. – 2014. – Vol. 40, N. 4. – P. 657–681. – DOI: 10.1017/S0260210513000326.

Bull H. The anarchical society: A study of order in world politics. – New York : Columbia University Press, 2002. – 329 P.

Carley M.J. A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // Diplomacy & Statecraft. – 2006. – Vol. 17, N 2. – P. 295–346.

Churchill W.S. The Second World War. Vol. 1, The Gathering Storm. – New York : Harper Paperbacks, 1986. – 724 P.

Debo R. G.V. Chicherin: A Historical Perspective // Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective / Ed. by G. Gorodetsky. – London : Routledge, 1994. – P. 21–29.

Haslam J. Litvinov, Stalin and the Road Not Taken // Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective / Ed. by G. Gorodetsky. – London : Routledge, 1994. – P. 55–62.

Jackson P. Pierre Bourdieu, the “cultural turn” and the practice of international history // Review of International Studies. – 2008. – Vol. 34, N 1. – P. 155–181. – DOI: 10.1017/S026021050800795X.

Kocho-Williams A. Russian and Soviet Diplomacy, 1900–39. – London : Palgrave Macmillan, 2012. – 227 P.

Mérand F., Pouliot V. Le monde de Pierre Bourdieu: Éléments pour une théorie sociale des relations internationales // Revue canadienne de science politique. – 2008. – Vol. 41, N 3. – P. 603–625.

Pope A.U. Maxim Litvinoff. – New York : Secker & Warburg, 1943. – 530 P.

Pouliot V. International Security in Practice: The Politics of NATO – Russia Diplomacy. – Cambridge : Cambridge University Press, 2010. – 290 P.

Sending O.J. United by difference: Diplomacy as a thin culture // International Journal. – 2011. – Vol. 66, N 3. – P. 643–659. – DOI: 10.1177/00207020110660030.

Senn A.E. Diplomacy and Revolution: The Soviet Mission to Switzerland, 1918. –

Notre Dame, Indiana : Notre Dame University Press, 1974. – 221 P.

Stone J. So many butterflies: Isaiah Berlin and the challenge of strategy // *Journal of Strategic Studies*. – 2021. – Vol. 44, N 5. – P. 640–660. – DOI: 10.1080/01402390.2019.1612376.

The Times Survey of the Foreign Ministries of the World / Ed. by Z. Steiner. – London : Times Book, 1982. – 624 P.

Vaïsse M. L'adaptation du Quai d'Orsay aux nouvelles conditions diplomatiques (1919–1939) // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*. – 1985. – Vol. 32, N 1. – P. 145–162.

Watson D. The Politburo and Foreign Policy in the 1930 // *The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953* / Ed. by E.A. Rees. – Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, 2004. – P. 134–167.

The Pages of the Past

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

The Formation of the Soviet Diplomatic Culture (1917–1939)

Aleksandr A. VERSHININ

PhD (History), Associate Professor, Faculty of History Lomonosov Moscow State University

Lomonosovskiy Prospekt, 27–4, Moscow, Russian Federation, 119991

E-mail: averchinine@gmail.com

ORCID: 0000-0001-5206-8013

CITATION: Vershinin A.A. (2022). The Formation of the Soviet Diplomatic Culture (1917–1939) // *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 5, pp. 206–225 (in Russian).

DOI: 10.31249/kgt/2022.05.11

Received: 18.11.2022.

Revised: 08.12.2022.

FINANCIAL SUPPORT: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the National Science Foundation of Bulgaria within the framework of the scientific project No. 20-59-18007 "From regional conflicts to the era of global transformations: the view of Russian and Bulgarian historians on international relations in the late 19th – early 21st centuries."

ABSTRACT. *The article, based on the theory of field of P. Bourdieu, examines the complex evolution of the Soviet diplomatic culture in the interwar period. The idea of dismantling the diplomatic field as such dominated the minds of the Bolsheviks for*

a relatively short time and was quickly replaced by aspiration for a deep reformatting of the diplomatic field by introducing new practices and ideas about the legitimacy of social and symbolic capital into it. The Bolsheviks' disillusionment with the prospects

of the world revolution started the process of gradually embedding the Soviet foreign policy service in the diplomatic field and adapting to its structures. The assimilation of the appropriate habitus led to the formation of a special ethos among the diplomatic corps, which brought it closer to the Western behavioral model. At the negotiating level, this trend was reflected in the formation of diplomats' desire to establish long-term relations with capitalist states, even at the cost of political concessions. The corresponding signs were clearly manifested during the Genoa Conference, and fully made themselves felt after M.M. Litvinov came to the leadership of the NKID (People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR), under whom the Soviet diplomatic corps acquired the visual features of a special socio-professional group. The most profound integration of the Soviet foreign ministry into the diplomatic field took place in the first half – mid-1930s during the implementation of its collective security policy. However, after 1936, Stalin's desire to take full control of foreign policy against the background of the general failure of Litvinov's course in the international arena launched the process of restructuring the NKID, which ended with the formation of the foundations of a new diplomatic culture.

KEYWORDS: diplomatic culture, diplomatic field, habitus, symbolic capital, Soviet diplomacy, Chicherin, Litvinov.

References

- Adler-Nissen R. (2014). Symbolic Power in European Diplomacy: The Struggle Between National Foreign Services and the EU's External Action Service. *Review of International Studies*, vol. 40, no. 4, pp. 657–681. DOI: 10.1017/S0260210513000326.
- Aralov S.I. (1960). *Memoirs of a Soviet diplomat (1922–1923)*. Moscow : Izdatel'stvo Instituta mezhdunarodnykh otnosheniy, 222 pp. (in Russian).
- Bourdieu P. (2007). *Sociology of social space*. Saint-Petersburg : Aleteya, 288 pp. (in Russian).
- Bull H. (2002). *The anarchical society: A study of order in world politics*. New York : Columbia University Press, 329 pp.
- Carley M.J. (2006). A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940. *Diplomacy & Statecraft*, vol. 17, no. 2, pp. 295–346.
- Chuev F.I. (1991). *One hundred and forty conversations with Molotov: From the diary of F. Chuev*. Moscow : Terra, 623 pp. (in Russian).
- Churchill W.S. (1986). *The Second World War. Vol. 1, The Gathering Storm*. New York : Harper Paperbacks, 724 pp.
- Debo R. (1994). G.V. Chicherin: A Historical Perspective. In: Gorodetsky G. (ed.). *Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective*. London : Routledge, pp. 21–29.
- Desyat' let... (1927). *Ten years of Soviet diplomacy (acts and documents)*. Moscow : Litizdat Narkomindela, 124 pp. (in Russian).
- Deutscher I. (2006). *Trotsky. An armed prophet. 1879–1921*. Moscow : Tsentrpoligraf, 527 pp.
- Dokumenti... (1957). *Foreign Policy Documents, vol. 1*. Moscow : Gospolitizdat, 772 pp. (in Russian).
- Dullin S. (2009). *Stalin and His Diplomats: The Soviet Union and Europe, 1930–1939*. Moscow : ROSSPEN, 319 pp. (in Russian).
- Ehrenburg I.G. (2000). *Collected works, vol. 7*. Moscow : Khudozhestvennaya literatura, 861 pp. (in Russian).
- Erlikhman V.V. (2022). *Leonid Krasin. Red lord*. Moscow : Veche, 416 pp. (in Russian).
- Haslam J. (1994). Litvinov, Stalin and the Road Not Taken. In: Gorodetsky G. (ed.). *Soviet Foreign Policy, 1917–1991: A Retrospective*. London : Routledge, pp. 55–62.

- Ivanov Yu.V. (2022). *The First Soviet Diplomats. NKID RSFSR/USSR. 1917–1941*. Moscow : Pero, 464 pp. (in Russian).
- Jackson P. (2008). Pierre Bourdieu, the “cultural turn” and the practice of international history. *Review of International Studies*, vol. 34, no. 1, pp. 155–181. DOI: 10.1017/S026021050800795X.
- Khormach I.A. (2020). The Soviet state at the international conference in Genoa on economic and financial issues. April 10 – May 19, 1922. *Novaya i noveyshaya istoriya*, no. 3, pp. 80–106 (in Russian).
- Kocho-Williams A. (2012). *Russian and Soviet Diplomacy, 1900–39*. London : Palgrave Macmillan, 227 pp.
- Kollontai A.M. (2001). *Diplomatic diaries, vol. 1*. Moscow : Academia, 527 pp. (in Russian).
- Kononova M.M. (2002). Activities of diplomats of the tsarist and Provisional governments in 1917–1938. *Voprosy istorii*, no. 3, pp. 105–118 (in Russian).
- Lenin V.I. (1968). *Complete Works, vol. 21*. Moscow : Politizdat, 671 pp. (in Russian).
- Lenin V.I. (1969). *Complete Works, vol. 37*, Moscow : Politizdat, 748 pp. (in Russian).
- Lenin V.I. (1970). *Complete Works, vol. 44*, Moscow : Politizdat, 725 pp. (in Russian).
- Maysky I.M. (1964). *Memoirs of the Soviet Ambassador*. Moscow : Nauka, 462 pp. (in Russian).
- Mérand F., Pouliot V. (2008). Le monde de Pierre Bourdieu: Éléments pour une théorie sociale des relations internationales. *Revue canadienne de science politique*, vol. 41, no. 3, pp. 603–625.
- Nikonov V.A. (2016). *Molotov: Our cause is just, vol. 2*. Moscow : Molodaya Gvardya, 524 pp. (in Russian).
- O'Connor T.E. (1991). *Georgy Chicherin and Soviet foreign policy, 1918–1930*. Moscow : Progress, 320 pp. (in Russian).
- Ocherki... (2002a). Ivanov I.S. (ed.). *Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, vol. 2*. Moscow : OLMA-PRESS, 617 pp. (in Russian).
- Ocherki... (2002b). Ivanov I.S. (ed.). *Essays on the history of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, vol. 3*. Moscow : OLMA-PRESS, 419 pp. (in Russian).
- Osokina E.A. (1999). *Behind the facade of “Stalin’s abundance”. Distribution and market in the supply of the population during the years of industrialization. 1927–1941*. Moscow : ROSSPEN, 271 pp. (in Russian).
- Ostapenko A.I. (2019). Organizational construction of the NKID of the RSFSR in the Petrograd period and the move of the Soviet government to Moscow in March 1918. In: Tuchkov I.I., Belousov L.S. (eds.). *The move of the Soviet government to Moscow. On the 100th anniversary of the return of the capital to Moscow*. Saint-Petersburg : Aleteya, pp. 137–162 (in Russian).
- Pope A.U. (1943). *Maxim Litvinoff*. New York : Secker & Warburg, 530 pp.
- Poslednyaya sluzhebnyaya... (1995). The last memo of G.V. Chicherin. *Istochnik*, no. 6, pp. 99–112 (in Russian).
- Pouliot V. (2010). *International Security in Practice: The Politics of NATO – Russia Diplomacy*. Cambridge : Cambridge University Press, 290 pp.
- Sending O.J. (2011). United by difference: Diplomacy as a thin culture. *International Journal*, vol. 66, no. 3, pp. 643–659. DOI: 10.1177/00207020110660030.
- Senn A.E. (1974). *Diplomacy and Revolution: The Soviet Mission to Switzerland, 1918*. Notre Dame, Indiana : Notre Dame University Press, 221 pp.
- Sheinis Z.S. (1989). *Maxim Maksimovich Litvinov: revolutionary, diplomat, man*. Moscow : Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 430 pp. (in Russian).
- Sobraniye... (1942). *Collection of laws and government orders for 1917–1918*. Moscow : Administration of Affairs of the USSR Council of People's Commissars, 1483 pp. (in Russian).
- Stone J. (2021). So many butterflies: Isaiah Berlin and the challenge of stra-

tegy. *Journal of Strategic Studies*, vol. 44, no. 5, pp. 640–660. DOI: 10.1080/01402390.2019.1612376.

The Times Survey of the Foreign Ministries of the World (1982). Steiner Z. (ed.). London : Times Book, 624 pp.

V.I. Lenin i VChK... (1975). *V.I. Lenin and the Cheka. Collection of documents (1917–1922)*. Moscow : Politizdat, 679 pp. (in Russian).

Vaïsse M. (1985). L'adaptation du Quai d'Orsay aux nouvelles conditions diplomatiques (1919–1939). *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, vol. 32, no. 1, pp. 145–162.

Vatlin A.Yu. (2009). *Comintern: Ideas, Decisions, destinies*. Moscow : ROSSPEN, 2009, 374 pp. (in Russian).

Vershinin A.A. (2020). At the origins of Soviet-French military cooperation: the mission of B.M. Simonov in France (1932–1933). *Rossiyskaya istoriya*, no. 3, pp. 52–66 (in Russian).

Watson D. (2004). *The Politburo and Foreign Policy in the 1930*. In: Rees E.A. (ed.). *The Nature of Stalin's Dictatorship. The Politburo, 1924–1953*. Basingstoke, New York : Palgrave Macmillan, pp. 134–167.